

Л.В. Матвеева

ИСТОРИЯ ВОСТОКА (По работам В.П. Бузескула)

МНОГОГРАННОСТЬ исследований В. Бузескула отличалась тем, что ученый шел неизведанными тропами. Так случилось и с историей Востока, понимание которой, кроме бедности фактических данных, длительное время усложнялось для европейских ученых предвзятым отношением к предмету исследования. Как отмечал известный востоковед В. Бартольд, до середины XIX столетия бытовало мнение, что исследование Востока проводить невозможно вследствие отсутствия достаточного количества фактов, которые наполнили бы собой целую отдельную науку.

В. Бартольд указывал на центральный стержень в овладении историей Востока – первоисточники. «Империя Востока как наука, – писал ученый, – ...еще не скоро достигнет той степени развития, при которой было бы возможно сообщать сведения об общем ходе событий и степени участия в них отдельных народов без изучения отдельных вопросов по первоисточникам»¹.

Предвзятость усугублялась тем, что отдельные видные ученые поддерживали мнение о величайшем значении прежде всего европейской культуры, проявляя пренебрежительное отношение к истории Востока, народы которого признавались «неисторическими». Об этом в свое время В.В. Бартольд писал: «Еще в XIX в. высказывалось мнение, что народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле этого слова и что поэтому методы изучения истории, выработанные европейскими историками, к истории Востока неприменимы»².

В. Бартольд называет немецкого историка профессора Гейдельбергского университета Фридриха Кристофа Шлоссера (1776–1861), мировоззрение которого сложилось под влиянием идей Просвещения и немецкой классической философии. Во введении к «Истории XVIII века» Ф. Шлоссер выразил свой взгляд на изучение истории Востока «с наибольшей

полнотой и последовательностью». В. Бартольд указывает, что Шлоссер видел «коренное различие между историей Востока и историей Европы в том, что в государствах Востока, с их деспотическим и иерархическим устройством, религия, обряды, литература, светское государственное устройство, даже искусство основаны на том, чтобы все существующее оставалось неизменным, чтобы не допускалось ни дальнейшее развитие собственной культуры, ни влияние культуры иноземцев»³.

Показательным является также позиция известного отечественного историка XIX века Т.М. Грановского. Как в свое время Гегель признавал Восток колыбелью человечества – «Солнце, свет восходит на Востоке», – но отказывал ему в способности к развитию, так и Грановский говорил о Востоке как о «дряхлах, неподвижных общинах... коих поучительные развалины до сих пор призывают к созерцанию первобытных форм жизни»⁴. Грановский неоднократно возвращался к мысли, что на Востоке нет движения вперед, нет развития. «История Востока, – говорил он, – вообще не беднее, даже богаче европейской событиями и переворотами, но в ней почти нет переходных эпох. События совершаются там большей частью как бы на поверхности, не опускаясь на дно неподвижных обществ...

Эта история подчинена другим законам, развивается под другими условиями, нежели европейская. Там народы косятся в продолжение веков в непробудном сне. Им видятся странные грезы, которые они переносят не только в поэзию, но и в свою историю. Там нет правильных переходов от одной эпохи к другой, нет постепенности и, следовательно, логической необходимости»⁵.

Со временем великие открытия древних восточных памятников в XIX и в начале XX в., сравнение их с европейскими привели ученых к мысли, что прошлое Востока может быть исследовано только

путем тех же научных методов, которые применялись и к истории Европы, что в первой развитие и падение культуры объясняется сближением с иными народами или отчуждением от них, что в этой цепи духовного взаимодействия нет промежутка между Востоком и Западом. Именно этим определялась необходимость изучения последнего для понимания всемирной истории, под которой уже невозможно было подразумевать только историю Европы, опираясь лишь на факты с прошлого ее народов.

XIX и начало XX века – этот период называют «историческим», что связано с расцветом исторической науки. Вместе с тем с полным правом его можно назвать и «археологическим», ибо он ознаменовался великими открытиями ряда новых культур, племен, государств и рас. Культуры Древнего Египта, Сумера, Аккада, Вавилона, хеттов и Эгейского моря почти совсем неизвестны и, как пишет В. Авдиев, «вышли из недр земли, взрытой заступами неумолимых исследователей – археологов. Теперь, когда уже собран значительный материал, когда большинство древних языков расшифровано, когда в крупных чертах восстановлена история этих отошедших в вечность культур, настало время подвести итоги той самоотверженной открывательской работе, которая легла в основу научного изучения древнего мира»⁶.

Успехи востоковедения в XIX – начале XX в. определялись не только великими открытиями, но и достижениями на то время европейской научной мысли в целом, главным образом в сфере гуманитарных наук. В языковедении, истории и этнографии только в это время были выработаны те методы исследования, благодаря которым эти отрасли знания впервые приобрели характер научных дисциплин.

История Древнего Востока – первая глава прошлого человечества, история цивилизаций, которые генетически предшествовали эллинизму и христианству. Изучение их имеет очень большое значение для истории. Эту истину знал и В. Бузескул, работая над исследованием названной проблемы.

Выдающимся вкладом в развитие истории востоковедения является монография ученого «Открытия XIX и начало XX века

в области древнего мира» (1923 г.), первая часть которой называется «Восток». На то время книга была совершенно новым исследованием не только в отечественной историографической литературе, но и в зарубежной. Она может служить прекрасным вступлением к истории Древнего Востока. Академик В.В. Струве – ученик и преемник великого ориенталиста Б.А. Тураева в Петроградском университете, востоковед-египтолог, наиболее авторитетный исследователь проблемы древнеегипетского языка – назвал книгу прекрасной.

В. Бузескул впервые дал общий историографический очерк истории Востока, обозрели знаменитых открытий из этой области, которые состоялись на рубеже XIX и XX веков. Это – захватывающие страницы из истории науки. Обзор доведен до начала Первой мировой войны.

В предисловии к книге В. Бузескул справедливо отмечал: «Насколько мне известно, ни в русской, ни в иностранной литературе нет книги, которая давала бы общий обзор великих открытий в области истории, ознаменовавших прошлый век и начало нынешнего, и которая охватывала бы и Восток, и античный мир»⁷.

В рецензии С. Жебелева на книгу В. Бузескула автор указывал, что действительно подобного общего обзора истории Востока не существует. Жебелев упоминал виднейшего на то время востоковеда Б.А. Тураева, создателя русской египтологии и истории Древнего Востока, издавшего два тома «Истории Древнего Востока», но подчеркивал, что он посвятил этим открытиям лишь несколько страниц. Второй книгой-источником Жебелев назвал переведенную на русский язык монографию Михаэлиса. Между тем, – говорил профессор Жебелев, подчеркивая значимость издания Бузескула, – именно Древний Восток – то более, чем какая-либо иная страна древнего мира, и воскрес пред нами благодаря тем изумительным открытиям, какие были сделаны во время археологических экспедиций, обыкновенно сопровождавшихся и раскопками»⁸. В. Бузескул поставил себе цель: дать обзор исследований Древнего Востока, а во втором томе – древнегреческого мира. На эти темы В. Бузескул читал курс лекций в бывшем университете Харькова в 1920–1921 учебном году.

Владислав Петрович не привлекал обширную библиографию к написанию книги, как об этом писал С. Жебелев, считая, что В. Бузескул перечитал, пересмотрел огромное количество книг, и старых, и новых, и отчасти новейших, дал многочисленные библиографические указания. Но сам В. Бузескул утверждал, что ограничился лишь самыми необходимыми источниками.

Настольными книгами, по его словам, служили труды Б.А. Тураева: «Египетская литература», «Древний Египет», «История Востока». книга Breasted'a «Ancient Records of Egypt» и его же, в русском переводе, «История Египта». В. Бузескул называет также коллективное издание пяти авторов: Hilprecht'a, Berzingerom'a, Hommel'ема, Gensen'a и Steindorf'a: «Explorations in Bible Lands during the 19th Century» (1903).

Книга В. Бузескула состоит из трех основных частей: первые две из них посвящены Египту и Ассири-Вавилонии, а третья часть охватывает и остальные страны Передней Азии, т.е. Персию, Аравию, Палестину, Финикию, Сирию, страну хеттов, Ван, Фригию, Лидию, Карию. В первых двух частях автор придерживается хронологической последовательности открытий, сделанных в Египте и Месопотамии, третья часть содержит довольно полное изложение открытий названных стран.

Владислав Петрович не считал свою книгу совершенной, но на то были свои причины. Писал он ее в 1920–1921 годах. В предисловии историк отмечает, что это были «самые тяжелые моменты моей жизни, самые неблагоприятные условия, удручающая обстановка». Отчасти этим ученый объясняет «недостатки, промахи, пробелы». В то страшное для Владислава Петровича время единственным утешением, по его словам служила работа, в которой он находил забвение, поддержку «душевной бодрости». В марте 1922 г. в письме своему другу Королькову в Киев В. Бузескул писал: «Утешение нахожу в работе. Пишу об открытиях XIX и начала XX в. в области истории (Востока и греческого мира)»⁹.

На первых страницах книги нашло свое отражение моральное состояние великого ученого, находившегося под

«прессом» новой власти, уничтожающей и перестраивающей науку, культуру, идеологию, разрушающей налаженный десятилетиями быт. «История человечества, – говорил В. Бузескул, – часто бывает полна великих страданий, печальных ошибок и заблуждений, глубокого падения». Но ученого радовали славные страницы открытий. О них он пишет как о «торжестве человеческого ума, находчивости, гения, настойчивых усилий и терпения, энергии, своего рода вдохновения, проникающего в тайны как мироздания, так и далекого от нас прошлого»¹⁰.

XIX и начало XX века ознаменовались великими открытиями прежде всего в сфере изучения Древнего Востока. В. Бузескул считал, что Восток – это начало истории человечества, охватывающей целые тысячелетия. О его прошлом говорит Библия, труды древних историков, но главным образом – о Востоке рассказывают сами памятники, открытые и изученные в течение XIX и в начале XX века.

Владислав Петрович первую главу посвящает Египту, ибо, по его мнению, древнейшие культуры возникли и достигли высокого развития в долинах больших рек, подобных египетскому Нилу. Сведения о Древнем Египте в прежние времена, как отмечает В. Бузескул, 100 лет (1922 г.) тому назад, были весьма ограниченными, знали только Библию, Ветхий Завет и то, что оставил египетский верховный жрец в Гелиополе Манефон, современник первых двух Птоломеев, живших в эпоху Антонинов (II в. до н.э.) в Александрии. Манефон написал на греческом языке «Историю Египта», от которой сохранились лишь отрывки у Иосифа Флавия и историков церкви Африкана и Евсевия.

Библия занимала с некоторых пор ведущее место в познании древней истории. Если ранее славилась римская историография, то начиная с V в. до н.э. «римская историография подпадает под влияние христианской идеологии, согласно которой центр мировой истории перемещается из Рима на Восток и историей мира считается уже история, изложенная в Библии»¹¹. Последним историографом Рима был сирийский грек родом из Антиохии (ок. 330–400) Аммиан Марцеллин, оставивший после себя восемнадцать книг по

истории Поздней империи под названием «Res Gestae», или «Деяния», переводится «История».

В. Бартольд пишет, что туземные источники по истории Востока были обработаны для греков двумя представителями восточной науки: вавилонским жрецом Беросом для Антиоха I Сотера (281–262 гг. до н.э.) и египетским жрецом Манефоном для Птолемея I (305–284 гг. до н.э.). «Оба сочинения известны нам только по позднейшим цитатам и ссылкам», – отмечает Бартольд. Исторические предания сохранились в Египте лучше, чем в Вавилоне; Берос располагал сведениями только с VIII в. до н.э., Манефон мог перечислить все династии, правившие в Египте с древнейших времен. Труды обоих авторов высоко ценятся современной европейской наукой, и открытие клинообразных и иероглифических надписей вполне подтвердило их сообщения; до настоящего времени египтологи руководятся перечнем династий, приведенных у Манефона»¹³.

Б. Тураев находит, что во время эллинизма многие из образованных уроженцев Востока задавались мыслью познакомить человечество с прошлым своих стран, черпая сведения из туземных источников и обрабатывая их на греческом языке. Египет нашел такого историка в лице первосвященника Манефона, которому Птоломей I содействовал во введении своеобразной унии греческой религии с египетской в виде культа Сараписа. Манефон находился на высоте образованности своего времени, «принадлежал обеим культурам, обладал египетской традицией и имел доступ к первоисточникам»¹⁴.

В. Бузескул пишет, что для греков Египет был «страной чудес, таинственной мудрости, странных верований и обычаев. С почтительным изумлением смотрели они на эту страну, на ее колоссальные сооружения... на этот народ, внешность, нравы и быт которого, казалось, так были своеобразны»¹⁵.

Писатели Греции сохранили для последующих поколений важнейшие материалы о Древнем Востоке. Среди них первое место принадлежит Геродоту.

В свое время Геродот более четырех месяцев путешествовал по Египту. О его путешествиях есть большая литература. В

основу трудов Геродота большей частью положены личные наблюдения, устная традиция, письменные источники. В разделе о Египте он многое почерпнул у логографа Гекатея Милетского. В. Бузескул писал, что Геродот мог быть прекрасным наблюдателем внешних фактов, «но в чужих странах, подобных Египту, ему приходилось полагаться, например, на проповедников или переводчиков, делаться жертвою их невежества или обмана, тем более что язык он не знал»¹⁶. Тем не менее, как писал Б.А. Тураев (1913), «несмотря на все неблагоприятные условия, труд Геродота все-таки имеет большую ценность уже потому, что дает нам представление о Востоке времени его путешествия, т.е. середины V века до н.э.»¹⁷. Нередко Геродот передавал рассказы легендарно-исторического характера, чрезвычайно важные как отражение местных, не сохранившихся источников. Его труды, включавшие массу культурно-исторического материала – важный источник по царству Ахеменидов, – знакомы с ближайшими к нему тремя веками египетской древности. Однако, как можно будет видеть дальше, не все подтвердилось в преданиях, рассказанных Геродоту в V в. до н.э. В. Бузескул считал, что весьма красочное описание пирамид Египта является важнейшим в мемуарах Геродота. Древний историк видел и египетский лабиринт, который со временем исчез.

Политические перемены, различные катастрофы уничтожали египетские памятники. Тысячелетняя история страны извлекалась из груды мусора и песка, и благодаря самоотверженности исследователей в последние сто лет, подчеркивал В. Бузескул в 1922 г., перед человечеством всего мира великая древняя культура Египта предстала в совершенно новом, ярком свете.

Разрабатывая источники по памятникам истории Древнего Востока, Владислав Петрович понимал, что последние могут быть доступными только с открытием ключа к дешифровке египетской письменности. Ученый заинтересовался историей этого процесса, ведь система египетского письма довольно сложная, иероглифы долго являлись тайной. И здесь В. Бузескул отдает должное французскому ученому Жану Франсуа Шампольону

(1790–1832) – первооткрывателю тайны иероглифов, основателю египтологии как науки. Б. Тураев замечает, что после окончания империалистической войны 1914 г. крупным событием в пределах науки о Древнем Востоке было празднование всем культурным миром столетия со дня рождения египтологии, дисциплины, созданной гением француза Ф. Шампольона, избравшего методически правильный путь в открытии тайны иероглифов, с чего началось развитие науки о Древнем Египте, его языке, древностях, истории. Разгадка связана с Розеттским камнем, найденным офицером-французом Бушаром в 1799 г., с которого, как отмечал Б. Тураев, египтология датирует свое рождение. Камень из черного базальта имел одну и ту же трехязычную надпись, в том числе и на греческом. Это был декрет жрецов в честь Птолемея V Эпифана, начала II в. до н.э. (204–180), при котором возросло политическое значение египетского жречества. Розеттский камень явился ключом к чтению иероглифов: греческий текст облегчил разгадку надписи. После многолетней работы над прочтением надписи на камне Шампольон в 1822 г. в своем труде «Очерк иероглифической системы древних египтян» изложил основные принципы дешифровки иероглифического письма древних египтян.

В. Бузескул приводит данные из биографии Шампольона, еще с детства поражавшего своими способностями в изучении языков и увлечением Востоком. В 1828 г. он возглавлял археологическую экспедицию в Египте. В 1824 г. в Италии Шампольон открыл Туринский царский папирус. Это был не простой папирус: он содержал перечень целого ряда египетских царей, начиная с египетских времен, в порядке династий, с указанием числа лет, месяцев и дней правления. Папирус был составлен за 1200 лет до нашей эры.

Великий французский ученый Шампольон, его талант в исследованиях Древнего Востока остались на страницах мировой истории, несмотря на очень короткую жизнь ученого. Он умер в 42 года, но значение его трудов трудно переоценить. Это была воистину историческая великая правда в ее многоликом проявлении. В.В. Бартольд писал: «Благодаря

труду Шампольона европейские ученые получили доступ к богатой древнеегипетской литературе; кроме надписей, было найдено значительное число рукописных произведений по различным отраслям знания... Как и следовало ожидать, предания, рассказанные Геродоту в V в. до н.э., были опровергнуты письменными памятниками более ранних веков; с полной достоверностью могли быть установлены, хотя без точных хронологических дат, периоды постепенного развития, упадка и временного возрождения египетской культуры»¹⁸.

Все это подтверждает некогда высказанную профессором Университета Св. Владимира Ю. Кулаковским мысль о том, что традиция включает в себе лишь элементы истории, но никак не историю. Это – слабое мерцание исторической истины, но от него далеко до полного света достоверности истории. Ю. Кулаковский подчеркивал, что важным является критическое отношение к традиции. Критика традиции в целом должна стремиться к одной цели: «... выделить историческое зерно в том комплексе предания, саги, мифа, домысла народного и догадки ученого...»¹⁹

После успехов Шампольона в течение некоторого времени во Франции замечался упадок в египтологии, успехи как бы переходят к Германии. В своей книге В. Бузескул упоминает немецких исследователей, в частности Лепсиуса (1810–1884), заложившего фундамент египетской хронологии. Уместно отметить, что Египет, как и весь Древний Восток, не знал научной хронологии, года отмечали по выдающимся событиям, по цензам, по годам царствования. «Долгое время, – пишет Б. Тураев, – египетская история излагалась почти без хронологического масштаба, не по столетиям, а по династиям»²⁰.

В. Бузескул говорил о Лепсиусе как об ученом-новооткрывателе, заложившем фундамент научной хронологии Египта. Историк стремился ввести хронологическую точность, распределить памятники в историческом порядке, определить время каждого из них и установить историю Египта и его культуры на прочном документальном основании. Собственно, Лепсиус открыл древний период истории Египта. Положив начало правильной египетской хронологии, он первый установил

деление египетской истории на три периода: Древнее, Среднее и Новое царство. Свои многочисленные путешествия он описывал в «Письмах из Египта, Эфиопии и Синайского полуострова», «Памятниках из Египта и Эфиопии». В 1880 г. он издал «Нубийскую грамматику», где касался народов и языков Африки. По сути, Лепсиус изложил историю языка на протяжении нескольких тысячелетий. Исследования Лепсиуса связаны с прусской экспедицией, снаряженной Фридрихом-Вильгельмом IV, работы которой дали науке новую пищу в виде огромного количества памятников.

В. Бузескул, подводя итоги исследований Шампольона и Лепсиуса, отметил особенности открытых учеными материалов из древней истории Египта: египтяне питали страсть к автобиографиям и титулам, что заметно в найденных жизнеописаниях. Биографии являлись важнейшими источниками для познания не только деятельности, скажем, сановников, но и их быта.

В. Бузескул считал, что эпоху в египтологии составляли труды немецкого ученого Г. Бругша (1827–1894). Владислав Петрович приводит о нем сведения в разделе книги, где рассматриваются открытия третьей четверти XIX в. Генрих Бругш – отец демонической грамматики, первого словаря египетского языка. Он автор «Истории Египта во времена фараонов», являющейся первым опытом детального изложения египетской истории на основании свидетельств памятников-надписей и папирусов. Бругш сам открыл, опубликовал и перевел немало памятников.

Вместе с тем В. Бузескул утверждал, что Генрих Бругш принадлежал к старой школе, преклонявшейся пред премудростью древних египтян, а главное, не различавшей периодов в долгой, тысячелетней, истории Египта. Как уже упоминалось, не все ученые верили в то, что Восток заслуживает изучения своей истории и что он развивался так же, как и европейские страны, по тем же законам. Генрих Бругш – представитель школы, которая признавала Древний Египет, но не видела историческую перспективу. Древний Египет представлялся этой школе как бы неподвижным, в состоянии застоя.

Немецкому историку Дюмихену (1833–1894), объездившему весь Египет, при-

надлежат исследования истории храмов в Сети. Он первый скопировал один из самых важных «культурно-исторических памятников человечества» – замечательные рельефы, изображающие экспедицию в Пунт. В. Бузескул указывал также на большую работу Дюмихена по расшифровке пояснительных надписей, воспроизводивших все подробности экспедиции.

Владислав Петрович уделил внимание и немецкому египтологу Георгу Эберсу (1837–1898) – профессору Йенского и Лейпцигского университетов, совершившему путешествие по Египту в 1872–1873 гг. Он открыл и в 1875 г. впервые опубликовал наиболее обширный древнеегипетский медицинский трактат, вошедший в науку под названием «Папирус Эберса». Благодаря Эберсу в науку впервые вошел текст надписи из гробницы египетского вельможи Аменемхеба, где интересно, со всеми подробностями изложена его биография. В. Бузескул пишет, что Эберс известен не только как ученый, но и как автор исторических романов, «посредством которых он знакомил широкие круги с египетской историей и культурой, с результатами научных открытий и исследованиями в этой области»²¹. Как историк своего времени, Эберс в своих трудах касался древностей Египта, которые связаны с ветхозаветной историей, Библией.

«Неоценимая сокровищница фактов и статистических данных», – так назвал В. Бузескул «Большой папирус» английского ученого Гарриса, представлявший собой отчет, составленный к погребению Рамсеса III, последнего из великих фараонов. В нем детально описывается хозяйство храма, пожертвы, войны, победы, управление, забота об улучшении жизни населения и богатство египетских храмов. На то время (1876) египтологи считали наибольшим достижением своей науки в области письменности страны именно это открытие. Владислав Петрович пишет: «Египтологи считают наибольшей гордостью своей науки, единственной в своем роде, исключительным по своей важности явлением в истории египетской письменности, с которым по разностороннему интересу не может равняться никакой другой памятник египетской литературы»²².

Новый этап в развитии египтологии начался с середины XIX века, и связанный он с именем Де-Руژه (1811–1872), убедившего мир в ее научности. Владислав Петрович говорил, что именно Де-Руژه вернул египтологию к здоровым началам. Кроме упомянутого медицинского «Папируса Эберса», В. Бузескул указывает и на открытие учеными математического папируса Ринда, приобретенного последним у арабов. Этот папирус Ринд издал в 1877 г. Руководство древних египтян по математике называлось «Наставление, как достигнуть знания всех темных вещей... всех тайн, содержащихся в предметах». Папирус Ринда содержал сведения по теоретической и практической геометрии и являлся, по мнению ученых-историков математики древних египтян, сборником сведений, представлявших в зародышевом состоянии все развивавшиеся в последующие тысячелетия роды произведений математической литературы.

Особое место в развитии египтологии в середине XIX в. принадлежит французским ученым Мариету Франсуа Огюсту Фердинану (1821–1881) и Масперо Гастону Камиллю Шарлю (1846–1916).

Мариет – археолог, который в 1851–1855 гг. во время раскопок в Египте открыл храм бога Сераписа в Мемфисе, 64 гробницы, начиная с 18-й династии и до времени Клеопатры, 300 гробниц эпохи Древнего Царства и множество других памятников. В. Бузескул замечал, что со времени открытий Мариета искусство Древнего Египта предстало в совершенно новом свете, не как примитивное, а с высокой техникой, с чертами реализма, удивительной жизненности, умения схватывать индивидуальность изображаемого лица. Источники истории Древнего Царства Мариета (Mastaba 1885) прекрасно изданы в серии *Aegyptische Urkunden*.

Величайший из египтологов конца XIX – начала XX в., Масперо в 1881 г. основал в Каире французский Институт восточной археологии. Ранее, в 1880 г., в Египте по инициативе Масперо была учреждена «Археологическая миссия». В 1881–1886 и в 1899–1914 годах он возглавлял «Службу древностей» в Египте. Его многочисленные открытия невозможно перечислить. В 1881 году был открыт тайник с мумиями

фараонов XVII и XII династий в Дейр-эль-Бахари, «Тексты пирамид» – магические формулы, гимны богам, отрывки мифов на внутренних стенах пирамид V и VI династий Саккара и многие другие древности. При раскопках в Карнаке Масперо нашел указ царя Харамхеба (вторая половина XIV в.) против вымогательства, взяточничества и злоупотребления чиновников, в защиту бедного люда.

Путешественники и ученые восторжались восстановленным в Луксоре с участием Масперо храмом. В Телль-эль-Амарне открыто 40 гробниц, на стенах которых изображен культ солнечного диска – единого, универсального мирового бога Атона, гимны этому божеству. В этих гимнах царские короны, путем разных богословских уподоблений, приравниваются к солнцу, луне и различным богиням Египта, поражающим его врагов.

Б. Тураев писал об этих гимнах, самый большой из которых был найден в гробнице царя Эйе, следующее: это великая песнь восторженного мыслителя, достигшего доступного для него верха религиозного сознания, кульминационный пункт египетской литературы и завершение ее классического периода.

С именем Масперо связаны попытки дать общий обзор Древнего Востока. Его труд «*Histoire ancienne des peuples de l'Orient*» имел наиболее широкое распространение. Б. Тураев писал об этом: «Здесь едва ли не впервые история Древнего Востока изложена как цельный период всемирной истории, а не как механическое соединение историй отдельных государств. Масперо – великий египтолог, а потому в его труде написана по источникам и имеет самостоятельное значение главным образом история Египта...

...Имя Масперо вводит нас уже во второй период истории нашей науки. Накопление материала и увеличение ученых сил... дали возможность углубиться в открытые источники, классифицировать их и распознавать эпохи»²³.

Масперо внес больше организованности в дело исследования Египта. Работы велись планомерно, Египет исследовался во всех направлениях. На основе известных тому времени источников Масперо издал в 1875 г. «Древнюю историю народов

классического Востока» и «Историю народов Востока». Он создал школу египтологов в Париже и в Каире.

Большой вклад в исследование египтологии внесла Берлинская школа. Достаточно вспомнить создание научной грамматики египетского языка профессором Берлинского университета Адольфом Эрманом (1854–1937). Ученый обратился к исследованию египетского языка и, в отличие от его предшественников, установил его грамматическую конструкцию и определил качественно отличные периоды развития, тем самым определив новое направление египтологии в Германии. Возникла школа египтологов, имевшая преимущественно филологическое направление. Со временем Эрман издал капитальный словарь древнеегипетского языка, издал, объяснил и перевел многие тексты, впервые осветив их смысл и значение. Эрман издал культурно-исторический очерк Египта и египетской жизни в древности, очерк египетской религии, обзор литературы Египта.

Интересно, что египтяне, как отмечает В. Бузескул, питали страсть к автобиографиям и титулам, что стало известно с эпиграфических памятников. Думаю, что от тех времен берет свое начало современная история науки.

Среди многочисленных немецких, французских, английских исследователей В. Бузескул вспоминает и российских. Прежде всего В.С. Голенищева (1856–1947) – знатока, изыскателя и собирателя египетских древностей, бывшего хранителя Эрмитажа. Долгое время Владимир Семенович Голенищев работал в Каире и собрал весьма редкостную коллекцию египетских и среднеазиатских древностей. Посещая место раскопок и малоисследованные местности на путях от Нильской долины к Черному морю, ученый открывал новые памятники. Государственная Дума в начале XX в. купила у Голенищева его богатую коллекцию для московских музеев. В докладе Думе по этому вопросу говорилось: «Видеть подлинные предметы такой глубокой древности, как 5000–6000 и более лет тому назад, видеть, что это составляет целую картину древнейшей культуры, где люди имели свои высокие интересы, свою религию, свой быт, свою

поэзию, свое горе и радость, – и все это воплощено в вещах, в мертвых свидетелях, которые в то же время безусловно беспристрастны, безусловно правдивы, – это высоко поднимает настроение человека и одновременно внушает ему, как много он обязан своим предкам... Приобретение таких коллекций, обогащение наших музеев есть настоящая потребность государства»²⁴. В. Бузескул писал, что всемирно известная коллекция, гордость науки, приобретена была благодаря стараниям Б.А. Тураева, автора первого на русском языке общего обзора «Истории Древнего Востока», составленного специалистом, создавшим целую школу исследователей этой отрасли исторической науки.

В своей книге «История Древнего Востока» (т. I; 1935) Б.А. Тураев писал о великом значении коллекции В. Голенищева: «Отрадным предвестником более благоприятного будущего для изучения Древнего Востока у нас было приобретение весной 1909 г. в государственную собственность для Московского музея изящных искусств первоклассной коллекции В.С. Голенищева... Этим просвещенным актом сохранен был для России и будущих русских исследователей богатейший научный материал, и Москва приравнена к центрам, обладающим крупными собраниями египетских и других древне-восточных памятников»²⁵.

В сферу научных интересов Голенищева, наряду с Египтом, входили и культуры Передней Азии. Большую работу он проводил в Эрмитаже, составил подробный научный инвентарь его коллекции, издал важнейшие папирусы. Тураев считал Голенищева самобытным ученым, вместе с тем утверждал, что он стоит выше существующих современных школ. Голенищев, по мнению Тураева, мог бы создать свою собственную школу.

Что касается египетского языка, Тураев замечает, что Голенищев обладал редким его знанием «и пониманием его духа». Особое внимание он обращал на «значение глагольных форм, на строй языка и его синтаксис и в этом отношении, идя по самостоятельному пути, сделал много весьма важных наблюдений, указывающих на то, что именно от него наука может ожидать уяснение тех темных сторон египетского языкознания, которые все еще

препятствуют полному пониманию многих египетских памятников»²⁶.

Голенищев впервые занимался каппадокскими документами, ассирийским словарем, ванской письменностью.

Другим старейшим египтологом в России был О.Э. Лемм (1856–1918); у него занимался египтологией Б.А. Тураев. О Лемме В. Бузескул говорит как о выдающемся египтологе России, великом знатке египетских, эфиопских памятников, основоположнике российской школы и филологии Древнего Востока.

Благодаря открытиям XIX и начала XX века Древний Египет, его политическая история, культура, быт предстают перед современниками в совершенно ином свете.

Вторая глава книги В. Бузескула «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира» посвящена Ассирии-Вавилонии, и начинается она с истории Месопотамии. Ученый пишет о поразительных открытиях в Азии на месте древней Ассирии-Вавилонии. «Их история, – пишет автор, – полна неожиданностей, удивительных результатов, интересных эпизодов, героической борьбы с препятствиями, с опасностями и временами походит на увлекательный роман»²⁷.

Открытия в Месопотамии связаны с Вавилоном и Ниневией, упоминавшимися в Библии. В частности, раскопки первого, от которого, казалось, не осталось абсолютно ничего, привели к удивительным результатам. Они связаны с именем француза Рича (1787–1821) – резидента Ост-Индийской компании в Багдаде. Он первый планомерно исследовал местонахождение Ниневии, открыл дворец Навуходоносора.

Раскопки Эмиля Ботта – итальянца по происхождению, французского консула в Моссуле – составили целую эпоху в изучении ассирийско-вавилонских древностей. В. Бузескул упоминает дворец Саргона, одного из могущественных властителей Ассирии VIII в. (722–705), покорителя Израильского царства. Широко используя эпиграфический материал, Ботт впервые вводит в науку сведения о культуре, быте, моральных законах ассирийцев, их искусстве, религии.

В деле раскопок ассирийских руин после Ботта центральной фигурой, по

мнению В. Бузескула, был англичанин Лейярд, открывший Ниневию. Он продолжал раскопки, начатые Боттом. На средства мецената Каннинга Лейярд в 1845 г. начал раскопки на месте древнего города Калах, где ученый открыл интересные скульптуры и дворец Ассурна-сирпала, впервые нашел остатки ниневийского дворца. Вторую экспедицию он совершил в 1849–1851 гг., в ней принял участие английский консул Рассам. Были открыты развалины ассирийских дворцов, найдена придворная библиотека Ассурна-сирпала.

В. Бузескул увлеченно рассказывает о многочисленных находках Лейярда, открывшего не только Калах, но и Ниневию. Интерес общества к этим открытиям был велик, – пишет Владислав Петрович. Даже модные журналы помещали снимки с ассирийских памятников и портреты Лейярда.

В 50-х годах XIX в. особое внимание исследователи в Месопотамии обращали на Вавилон. Главнейшие открытия того времени были сделаны на месте ее древних городов. Начал их исследование и впервые открыл их древние юридические памятники английский геолог Лафтус.

В. Бузескул подчеркивал великое значение и влияние вавилонской культуры для всего мира. «Для своего времени, – пишет автор, – это была культура мировая, и вавилонский язык был языком международным, что видно лучше всего из Телль-Амаранской корреспонденции, которая с Египтом велась клинописью на вавилонском языке»²⁸.

Телль-Амаранская корреспонденция, или архив египетских фараонов XVIII династии, обнаруженный в 1887 г. в Телль-Амарне местными жителями, состояла из главных табличек с клинообразными знаками, содержащих переписку владельцев и наместников Сирии и Палестины и соседних с ними стран с египетским двором приблизительно за 1400–1360 лет до Р.Х.

Автор пишет об успехах вавилонян в математике и астрономии, где они были предшественниками Гиппарха (194–120 гг. до н.э.) – древнегреческого ученого, одного из основоположников астрономии – и известного астронома Греции Клавдия

Птоломея, жившего в эпоху Антонинов (II в. н.э., 100–170 гг.) в Александрии*.

За несколько тысячелетий до Р.Х. вавилоняне производили уже более или менее точные астрономические наблюдения, знали 5 планет Солнечной системы. Им принадлежит система мер и весов.

Много столетий сохранялась система медицины вавилонян. Она дожила до XVI столетия, отразилась в учебниках средних веков, где встречались рецепты, напоминающие клинописные тексты. Широкое распространение в Ассирио-Вавилонии имела письменность. В. Бузескул подчеркивал: «Наука и литература были тогда в большом почете, а каково было отношение к ученым, видно, например, из того, что царь Саргон, в конце VIII века до Р.Х. говоря о своем вступлении в Вавилон, рядом с лицами, которые имеют вход во дворец, называет и ученых, изучавших книги»²⁹.

Владислав Петрович останавливается и на правовых отношениях, ибо, по данным исследователей, «...право и справедливость господствовали в Вавилонии над частными и публичными отношениями»³⁰. Бузескула поражало своей непревзойденностью законодательство Хаммураби с его заботой о защите слабого, расцвете городов, торговли, банков, эпистолярная. Отдельно историк говорит о развитии искусства и техники ассирио-вавилонян, о чем свидетельствуют многочисленные памятники.

Исследование культуры вавилонян, «установление целого ряда совершенно новых для нас фактов, вплоть до глубокой древности, обнаружение целых эпох, для нас новых, раньше неизвестных в истории Ассирио-Вавилонии, – дело новейшей науки, результат открытий XIX и начала XX в.»³¹, – отмечал Владислав Петрович.

Следует заметить, что В. Бузескул подает весь упомянутый материал в общих чертах, но цель автора – показать результаты многолетней работы – открытия в отрасли истории Древнего Востока, далекого от

современности и в то же время близкого в связях нашей культуры с его культурой. Автор указывает на участие в исследованиях древнего мира представителей разных наций и делает такое заключение: чтобы оценить их результаты, необходимо сравнить, что мы знали об этом Древнем Востоке столет назад и что мы знаем теперь.

В. Бузескул использовал все богатство своей эрудиции, знание исторических источников, для того чтобы возродить востоковедческие исследования. Именно он своими историографическими трудами проложил путь к дальнейшему изучению Древнего Востока.

В рецензии на книгу В. Бузескула «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Ч. I. Восток» С. Жебелев подчеркивал, что здесь Владислав Петрович «обнаружил неподражаемый талант на основе самого тщательного и обстоятельного изучения многочисленной и сложной литературы давать на немногих страницах удивительно ясные, убедительные, исчерпывающие обзоры такого большого материала...»³² Рецензент заметил еще одну отличительную черту, которая его поразила: В. Бузескул умел подать огромный материал, иногда «мелко-фактический», так живо, наглядно, что все читалось с неослабным вниманием. С. Жебелев с восторгом восклицает: «И при всем том какая простота, какое спокойствие, какое беспристрастие, какое... благородство во всем тоне изложения! Счастлив писатель, который может так писать свои книги».

Заканчивая рецензию, С. Жебелев проникается сознанием того, что в период до 1914 года ученые бескорыстно и плодотворно работали в области изучения Древнего Востока.

На книгу В. Бузескула откликнулся и журнал «Восток», поместив на своих страницах рецензию В. Авдеева, где автор отметил, что книга может являться введением в изучение Древнего Востока.

* Клавдий Птолемей – известный астроном древности, завершивший начатое Гиппархом дело создания геоцентрической теории движения солнца, Луны и планет. В капитальном труде «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах», известном под арабизированным названием «Альмагест», Птолемей касался важнейших фактов математической географии. До появления спустя 120 лет книги «Об обращении небесных сфер» Н. Коперника «Альмагест» оставался непревзойденным образцом изложения всей суммы астрономических знаний древнего мира и имел огромное практическое значение для мореплавания и определения географических координат.

Главную ценность издания рецензент видит в умелом изложении истории археологических открытий и краткого очерка результатов этих находок в связи с общим изучением Древнего Востока.

В архиве сохранилось письмо В. Бузескула к известному историку Д.И. Багалею, из которого узнаем, что Владислав Петрович, следуя совету последнего, решился представить свою книгу на соискание премии Академии наук. В письме не указано, какой премии, но оно интересно тем, как В. Бузескул характеризует состояние отечественного востоковедения на то время (1923). Ему нужны были рецензии-рекомендации, чтобы получить эту премию. Ученый пишет: «На Украине я не знаю востоковеда, который был бы специалистом в области истории Древнего Востока... У нас в Харькове историю Древнего Востока читает Н.С. Гольдин. Египтологией у нас занимается, правда, Е.Е. Кагаров, которому принадлежит книга об успехах египтологии, представляющая обстоятельный обзор открытий в этой области...

...В России – В.В. Струве, востоковед-египтолог, служит в Эрмитаже, где заведует отделением египетских древностей...»

В. Бузескул называет еще нескольких историков: «Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий, востоковед, преимущественно египтолог... находится в Петрограде; состоит членом Академии материальной культуры (бывший Археологический комитет).

...Сергей Александрович Жебелев, историк-классик, профессор Петроградского университета, специалист по греческим древностям, но занимается и археологией...

...Борис Владимирович Формаковский... археолог, специалист преимущественно в области древностей греческих на юге России. Но занимался и историей восточных культур, например хеттской.

...В Москве есть востоковед-египтолог В.М. Викентьев...

...Алексей Алексеевич Захаров, профессор Московского университета, занимается древней историей и археологией, Грецией и Востоком.

...Илья Николаевич Бороздин, профессор в Москве, был сотрудником Б.А. Тураева по изданию «Культурно-

исторических памятников Древнего Востока», состоит заведующим Историко-этнографического отдела Всероссийской научной ассоциации.

...Татьяна Николаевна Козмина-Бороздина, ученица Б.А. Тураева, состоит при Отделе этнографических древностей в Московском музее искусств. Недавно в «Новом Времени» дала обзор трудов русских египтологов.

В Москве есть египтолог Ф.В. Баллод, преимущественно историк искусства...»³³

Как видно из этого письма, ученых-востоковедов было очень небольшое количество, и после смерти Б. Тураева, знатока истории классического Востока, вышедшая книга В. Бузескула была первым изданием в области востоковедения.

В. Бузескул с прискорбием пишет в упомянутом письме о смерти Б. Тураева, а в журнале «Новый Восток» публикует рецензию на небольшое издание последнего, где замечает, что автор дает представление о достижении русской науки в области изучения Древнего Востока, «изучения, важность которого для нас давно уже осознана: еще в 1735 г. бывший тогда на положении президента Академии “главный командир” ее барон Корф ходатайствовал об учреждении при Академии особой кафедры восточных древностей, “потому что ради соседства и великого союза восточных народов с нами о сем учении паче всех прочих стараться надлежит”»³⁴.

Свои исследования в области изучения Древнего Востока В. Бузескул продолжил и в последующие годы, описывая все новые открытия и научные достижения.

В марте 1926 года на заседании историко-этнологического отделения Всеукраинской научной ассоциации востоковедения, созданной в 1926 году, В. Бузескул выступил с докладом: «Открытия и научные достижения за последние годы в области изучения Древнего Востока». Ученый начал свой доклад с того, что научная жизнь никогда не замирала окончательно, «... в годы войны и внутренних потрясений, несмотря на все затруднения, невзгоды и тяжелые переживания, пылкий ум человека продолжал изыскания в разных областях знания, и в эти годы сделано немало открытий и достижений»³⁵. Ученый остановился на «классическом Востоке – Египте и

Передней Азии, и, конечно, назвал важнейшим открытием в 1922 г. гробницы фараона Тутанхамона. В историю вошли лорд Карнарвон и Картер, совершившие этот подвиг. Владислав Петрович говорил о месте, где была обнаружена гробница, – левый берег Нила, в Бибан-эль-Малуке, в Долине царей. Именно там были царские могилы XVIII–XX династий. Открытие явилось сенсацией, ибо, как утверждал В. Бузескул, отдельные египтологи, как-то Масперо, считали, что здесь все исследовано и дальнейшие поиски безнадежны. И только упорство и вера в успех помогли Карнарвону добиться блестящих результатов. Не посчастливилось Картеру: он умер от укуса москита.

В. Бузескул в своем докладе очень красочно, со всеми подробностями рассказал о гробнице и состоянии молодого Тутанхамона, которому было всего 18 лет; его царствование относили в то время к 50-м годам XIV ст. до н.э. Он был вторым преемником царя-реформатора, «еретика» Аменхотепа IV. Большое количество найденных в гробнице предметов «явились ослепляющим откровением красоты и тонкости египетского искусства».

Изучая литературу в связи с этим открытием, Владислав Петрович пришел к выводу, что оно «при всей своей эффектности, не принадлежит к числу тех, которые существенно изменяют взгляды, совершают переворот, составляют эпоху в истории науки»³⁶. Значение открытия гробницы Тутанхамона сводилось к тому, что это первая гробница, дошедшая в целостности, в отличие от остальных, разграбленных в древности.

В 1913–1914 гг. в Телль-Амарне производились изыскания немцами под руководством Борхарда, который доказывал существование здесь города еще при Аменхотепе III.

В. Бузескул говорил о дальнейших исследованиях англичан на месте Телль-Амарны под руководством Ньютона и Грифиза, раскрывшими город с широкими улицами, садами, построенный по обдуманному плану. Впервые на почве Древнего Египта был раскопан царский парк, обнаружен дворец Аменхотепа IV. Особенно привлекали внимание многочисленные фрески.

Владислав Петрович подчеркивал, что искусство того времени «отличалось

особенно жизненностью, реализмом». Но главным – в Телль-Амарне были открыты многочисленные дома.

В. Бузескул рассказывал об открытиях ученых многих стран в разных точках Древнего Египта. Многие города, египетские храмы восставали из руин и свидетельствовали о жизни древних египтян и взаимовлиянии древних культур.

К концу 20-х годов XX в. относятся чрезвычайно важные достижения в области изучения языка, истории и культуры хеттов. Владислав Петрович подчеркивал, что это открытие «...может, важнейшее из всех, какие были за последнее время в области истории древнего, “Классического” Востока. Ранее, в 1925 году, в рецензии на статью Ж. Контено и профессора А. Захарова о хеттах В. Бузескул писал: «В последнее время, в особенности за годы мировой войны и следующие за ними, “хеттский вопрос” выдвинулся на первый план в области изучения древнего мира: им интересуются лингвисты, археологи, историки и все, кто неравнодушен к судьбам мировой культуры в древности. Ведутся раскопки на месте бывших центров царства хеттов, в Богазкее и, в последнее время, в Кархемыше; делаются попытки, более или менее успешные, дешифровать их загадочные письмена, публикуются документы, в обилии найденные в архиве Богазкеея, исследуется язык хеттов, их отношение к другим народностям, в том числе и к населению юга России; еще не так давно “забытое царство”, культурный мир хеттов теперь представляется мощным, равноценным вавилонскому и египетскому»³⁷.

Особое внимание в рецензии В. Бузескул уделил статье А.А. Захарова «Хеттская культура», состоящей из четырех очерков и дающей значительный материал, отличающийся обстоятельностью. К числу сенсационных открытий на то время принадлежала находка хеттских законов.

Возвратимся к упомянутому выступлению В. Бузескула, где ученый говорит о хеттах, составлявших некогда могущественную державу, в XV–XIII столетии до нашей эры соперничавшую с царством фараонов. Хетты занимали большую часть Малой Азии, верхнее течение Евфрата, север Сирии, где они сталкивались с египтянами и откуда вытеснили египетское

влияние. В селении Богазкеос, где ранее находилась столица хеттов, немецким ученым Гуго Винклером и представителем Оттоманского музея в Константинополе Макриди-Беём найден был целый государственный архив хеттских царей с интересными документами.

Длительное время язык хеттов не могли разобрать. Владислав Петрович верно заметил, что никакие войны не могли остановить науку: именно в годы мировой войны, начиная с 1915 г., усилиями Фридриха Грозного и других ученых письма хеттов удалось распознать. Мнения ученых касательно происхождения языка в то время разошлись. В. Бузескул, опираясь на отдельные источники, опубликованные в различных журналах, пришел к заключению, что «хетты представляли собой конгломерат народностей, с господствующим индо-европейским элементом, а в их надписях различают до 8 языков»³⁸.

Важным историческим событием было открытие хеттских законов XIV–XIII вв. до н.э., опубликованных тем же Ф. Грозным. Так «забытое царство хеттов» возродилось и было предметом особого внимания лингвистов, ориенталистов, историков, юристов. Владислав Петрович говорил, что «хеттский вопрос» для отечественных ученых имел двойной интерес, ибо он связан с вопросом о культурном влиянии на народности Кавказа и северного побережья Черного моря. Хеттские пережитки усматривались в вышивках крестьян из северных губерний России, в женском головном уборе Чертомлыцкого кургана также виделась аналогия с хеттской культурой, устанавливалась даже связь скифского, ирано-эллинского мира с последней. Владислав Петрович коснулся также документов Хеттского архива в Богазкеое, где были найдены материалы о государстве, которое по тем временам было названо Ахейским, с царем Атреем (1245–1210 г. до н.э.).

Ученый упомянул о греческих папирусах, касающихся греко-римского Египта, открытых в 90-х годах XIX ст. Папирусы разнообразного содержания, казалось ут-

раченные навсегда, произведения греческой литературы, такие как трактат Аристотеля о государственном строе Афин, различные документы, письма... На основании найденных материалов писались замечательные труды по древней истории. Владислав Петрович упоминает известного ученого М.И. Ростовцева, написавшего великолепную книгу о крупном поместье в Египте в III ст. до н.э. **На то время (1922 г.)** российский академик Ростовцев работал и жил уже в Америке, поэтому книга была издана на английском языке и называлась «**A. Large Estate in Egypt in the third century B.C. Madison**».

В своем исследовании Ростовцев использовал «архив Зенона», бывшего в 50-х годах III ст. до н.э. **управляющим крупным поместьем Аполлония, министра финансов при Птолемее II Филадельфе, – поместьем, пожалованным царем Аполлонию в пользование.** Исследование Ростовцева – это живая картина крупного поместья в Египте, с помощью которой автор смог характеризовать хозяйственную политику первых Птолемеев. В. Бузескул высказывал мысль, что мастерское исследование «Архива Зенона» помогло раскрытию многих исторических вопросов, важных для характеристики эллинистической эпохи и для современного представления древнего мира вообще.

Новые замечательные открытия проливали свет на происхождения культур, на их связь в древнейшие времена с другими культурами, в том числе европейскими.

В докладе В. Бузескул говорил о тяжелых условиях, в которых оказались ученые в годы войны. Он подчеркивает самоотверженность и мужество ученых, совершавших подвиг во имя науки – востоковедения – в те тяжелые дни. Свой доклад В. Бузескул закончил такими словами: «Но я думаю, что даже из этого, далеко не полного, обзора видно, что в тяжелую годину мировой войны и следовавших за нею переживаний работа по изучению Древнего Востока не прерывалась: она дала новые факты, важные достижения; она открыла пред нами новые горизонты»³⁹.

- ¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. – Соч. – Т. IX. – 1977. – С. 202.
- ² Там же. – С. 226.
- ³ Там же.
- ⁴ Левандовский А.А. Время Грановского. – 1990. – С. 66.
- ⁵ Цит по книге: Левандовский А.А. **Время Грановского.** – С. 66.
- ⁶ Авдиев В. В.П. Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Часть I. Восток. – Петербург, 1923 // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. – Книга четвертая. – 1924. – С. 180 (Рецензия).
- ⁷ Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Ч. I. Восток. – 1923. – С. 7.
- ⁸ Жебелев С. В.П. Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Ч. I. Восток. – 1923 // *Анналы.* – № 4. – 1923.
- ⁹ ИР ННБ НАНУ. – Ф. 162. – Д. 296. – Л. 5.
- ¹⁰ Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Ч. I. – Восток. – 1923. – С. 9.
- ¹¹ Соколов В.С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // *Вестник древней истории.* – 1959. – № 4. – С. 62.
- ¹² Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // *Соч.* – Т. IX. – 1977. – С. 245–246.
- ¹³ Тураев Б.А. История Древнего Востока. – Т. I. – С. 19.
- ¹⁴ Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Ч. I. Восток. – 1923. – С. 11.
- ¹⁵ Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – 2005. – С. 128.
- ¹⁶ Тураев Б.А. История древнего Востока. – 2004. – С. 23. (Переиздание).
- ¹⁷ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // *Сочинения.* – Т. IX. – 1977. – С. 229.
- ¹⁸ Кулаковский Ю.А. Древнейший период римской истории: O. Gilbert. *Geschichte und Topographie der Stadt Rom.* – Berlin, 1882 // *Университетские известия.* – 1884. – № 2. – С. 1.
- ¹⁹ Тураев Б.А. История Древнего Востока. – 2004. – С. 49.
- ²⁰ Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Ч. I. Восток. – 1923. – С. 46.
- ²¹ Там же, с. 47.
- ²² Тураев Б.А. История Древнего Востока. – Т. I. – 1935. – С. 33.
- ²³ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // *Сочинения.* – Т. IX. – 1977. – С. 478.
- ²⁴ Тураев Б.А. История Древнего Востока. – 1935. – Т. I. – С. 5.
- ²⁵ Тураев Б.А. История Древнего Востока до 1917 года. – 1927. – С. 11.
- ²⁶ Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. – Ч. I. Восток. – 1923. – С. 111.
- ²⁷ Там же. – С. 81.
- ²⁸ Там же. – С. 183.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, С. 185.
- ³¹ См.: «Анналы». – 1924. – № 4. – С. 280.
- ³² ИР ННБ НАНУ. – Ф. I. – Д. 45579. – Л. 1–2.
- ³³ Бузескул В.П. Б.А. Тураев. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. // *Новый Восток.* – 1928. – № 20–21. – С. 479–480.
- ³⁴ Бузескул В.П. Открытия и научные достижения за последние годы в области изучения древнего Востока // *Східний світ.* – 1927. – № 1. – С. 120.
- ³⁵ Там же. – С. 123.
- ³⁶ Бузескул В.П. Хетты и хеттская культура. Статьи Ж. Контено и проф. А. Захарова. Тексты хеттских законов (перевод) // *Новый Восток.* – 1925. – Кн. 7. – С. 343.
- ³⁷ Бузескул В.П. Открытия и научные достижения за последние годы в области изучения древнего Востока..., С. 131.
- ³⁸ Там же. – С. 137.